

АЛЕКСЕЙ ЛЕОНОВ.

РАССКАЗ ЛЕГЕНДЫ

Наталья Леонидовна БУРЦЕВА,
*преподаватель факультета журналистики Института
массмедиа РГГУ, аспирант, Королёв, Россия,
natalya.burtseva@rsce.ru*

Мне посчастливилось на протяжении многих лет общаться с легендарным космонавтом Алексеем Леоновым. Для студии Роскосмоса мы записывали интервью о наборе в отряд космонавтов, о Гагарине, о полете, об отношении к жизни и даже об оружии у космонавтов. Разнообразно одаренный человек, он обладал также редким талантом рассказчика. Алексей Архипович часто предвосхищал мои вопросы: иногда казалось, что он знает, о чем я спрошу в следующую минуту.

Говорил лаконично и быстро, практически дословно воспроизводя прямую речь людей. И создавалось впечатление собственного присутствия в те исторические моменты, о которых шла беседа.

Леонов неизменно присутствовал на торжественной встрече экипажей после космического полета в Звездном Городке: всегда с иголкой и с улыбкой.

11 октября нынешнего года Алексея Архиповича не стало. Разговоры разных лет, в том числе и последних, я решила собрать в один материал. И поскольку задавать вопросы больше не придется, пусть это будут ответы, которые оставил нам этот удивительный человек — космонавт из первого отряда.

О Гагарине

Когда мы готовились к первому полету, каждого из нас спросили: «Ты знаешь всех: уже год работаете вместе. Как думаешь, кто должен первым полететь?» Большинство выбрало себя, конечно. Я сказал: «Мне хочется, но я понимаю, что раз во вторую группу попал...» А первую, приоритетную, группу так сформировали: из 20 человек ростом до 170 сантиметров — шестеро.

Хотя я, например, по прохождении курса космонавтов получил самую высокую оценку за общекосмическую подготовку. Но я 172 сантиметра, а ребята в первой группе — 165, 166, 167, 168...

Когда попросили назвать второго — после себя, почти все называли Юрия Гагарина. Но прозвучало также имя Германа Титова, это я отчетливо помню.

Время показало, что мы не ошиблись.

Юрий Гагарин и Герман Титов, 1960 год. Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД)

О конфликте между Титовым и Гагариным

Я не уверен, подходящее ли это слово — «конфликт». Но когда в 1981 году мы праздновали двадцатилетие первого полета, Герман Титов сказал: «Для кого праздник, а для меня — черный день».

Я думаю, обида не давала ему быть объективным, рассудить трезво и справедливо. Всю жизнь он был убежден, что первого космонавта выбрали ошибочно, что он сам был более достоин.

Да, он отлично учился в академии и был блестящим летчиком. Но никому из нас руководство не давало никаких гарантий. До самого последнего дня они шли наравне, и только 11 апреля на госкомиссии однозначно сказали: первым на корабле «Восток-1» полетит старший лейтенант Гагарин.

Первый отряд космонавтов СССР, 1960 год. РГАНТД

О первом отряде

У всех нас из первого отряда судьба одинаковая — будто калиброванная. И можно сказать точно, что время не зря выбрало именно нас: поколение мальчишек-подранков войны. Мы пережили голод, рано начали работать, и каждый из нас зарабатывал как только мог и где только мог. Но учились все как один.

Только у Германа Титова отец был учителем, а у остальных — рабочие, шахтеры, колхозники. Когда Андриян Николаев уходил учиться в техникум, его мама, Анна Алексеевна, смогла дать ему с собой только четыре картошки. Завязала в узелок и сказала: «На тебе, Андрюша, в дорогу».

И этот мальчишка ушел в большую жизнь с четырьмя картошками. Я ушел из дома с пятьюдесятью рублями денег, в одном спортивном костюме, даже рубашки не было. Вот из таких ребят и была впоследствии сформирована Группа ВВС № 1.

Занятия отряда космонавтов физической подготовкой: Владимир Комаров, Евгений Хрунов, Дмитрий Закин, Борис Вольнов, Валентин Филатьев, Герман Титов, Алексей Леонов, Григорий Нелюбов, и Валентин Бондаренко. 1960 год

О Циолковском

Я нашел один интересный документ, могу его процитировать. 1935 год, Циолковский пишет: «Я свободно представляю первого человека, преодолевшего земное притяжение и полетевшего в межпланетное пространство. Я могу без труда обрисовать его, так он близок мне и понятен. Он русский, в этом я не сомневаюсь, об этом я много раз говорил, он гражданин Советского Союза. По профессии, скорее всего, летчик. У него отвага умная, лишённая духовного безрассудства. Я отчетливо представляю его открытое лицо и голубые глаза».

К этому времени Гагарину исполнился один год. И все наше поколение только что родилось, а Циолковский пишет, как будет выглядеть будущий покоритель космоса. Представляете?

О выходе в открытый космос он говорил «вне Земли». Он ведь все описал, только своими словами. Например, шлюзовая камера у него есть — но он говорит просто «камера», экранно-вакуумная изоляция — «балахон».

Когда я подошел и открыл двери шлюзовой камеры, я увидел, какая бездна разделяет нас: меня и Землю.

А когда я, с трудом оторвавшись, шагнул в эту бездну, у меня что-то покатило, меня что-то подперло. Звезды были и слева, и справа, и вверху, и внизу, и я находился среди звезд. Постепенно все успокоилось, и я понял, что я сам — частица этого гигантского мира, где живет человек, как песчинка.

Члены первого отряда космонавтов и группа руководителей на отдыхе

” КОГДА Я ПОДОШЕЛ И ОТКРЫЛ ДВЕРИ ШЛЮЗОВОЙ КАМЕРЫ, Я УВИДЕЛ КАКАЯ БЕЗДНА РАЗДЕЛЯЕТ НАС: МЕНЯ И ЗЕМЛЮ. А КОГДА Я, С ТРУДОМ ОТОРВАВШИСЬ, ШАГНУЛ В ЭТУ БЕЗДНУ, У МЕНЯ ЧТО-ТО ПОКАТИЛОСЬ, МЕНЯ ЧТО-ТО ПОДПЕРЛО. ЗВЕЗДЫ БЫЛИ И СЛЕВА, И СПРАВА, И ВВЕРХУ, И ВНИЗУ, И Я НАХОДИЛСЯ СРЕДИ ЗВЕЗД. ПОСТЕПЕННО ВСЕ УСПОКОИЛОСЬ, И Я ПОНЯЛ, ЧТО Я САМ - ЧАСТИЦА ЭТОГО ГИГАНТСКОГО МИРА, ГДЕ ЖИВЕТ ЧЕЛОВЕК, КАК ПЕСЧИНКА. ”

Юрий Гагарин, 1960 год. РГАНТД

Знакомство с Гагариным

В первый раз я увидел Гагарина в госпитале в Сокольниках, в 1959 году, 4 октября, в 15 часов 30 минут. Захожу: сидит парень по пояс раздетый, пижама висит на стуле. И вот до сих пор передо мной глаза его голубые, искрящиеся такие. Улыбается и говорит: «Здравствуйте, я Юрий Гагарин с севера, старший лейтенант полярной авиации». Я отвечаю: «Алексей Леонов с юга, лейтенант, перехватчик».

Так знакомство и началось. Через полчаса я уже знал все про него. У него была с собой книга, и мне стало интересно — что он читает? Посмотрел: «Старик и море». Тогда эта книга только появилась в магазинах. Я подумал: серьезный же парень! Я только где-то слышал про нее, а он уже читает.

Когда Юрий слетал, это было счастье для народа — танцевали, песни пели, все в цветах. Настоящий праздник! Солнечный день, и словно вся Москва на Красной площади, вся Москва слушает звенящий голос Гагарина. Точно такая же была встреча Титова и Валентины Терешковой. И я удосужился 24 марта 1965 года выступить перед многотысячной демонстрацией — люди все

шли и шли. Это была высокая честь — выступить с этого самого высокого места в нашей стране. И каждый чувствовал себя участником этого события, понимаете?

Про отбор в отряд

Когда после запуска первого спутника Сергей Павлович Королёв дал задание проработать пилотируемый вариант, зашел разговор об экипажах. Как он думал, космонавтами должны стать летчики-истребители — они наиболее подготовлены к управлению.

И представители отборочной комиссии поехали по воинским частям. Стали проверять контингент, исходя из таких принципов: не старше 30 лет, и чтобы летал во всех условиях и на новейшей технике. А дальше уже медицинское обследование показывало — способен он быстро решать сложные задачи или нет. И еще спрашивали: «Есть ли у вас молодые люди, которые попадали в какие-либо непредвиденные условия и как-то выкручивались? Дайте нам в первую очередь данные этих».

А у меня незадолго до того случилась авария. Лопнула трубка гидросистемы, отказала электрика, отказали приборы. В ответ на ситуацию я выпустил шасси и щитки, но после прохода загорелась лампочка — пожар. Катапультироваться уже было поздно, я выключил двигатель и пошел на посадку.

И я посадил машину за 500 метров до полосы. Был сухой, без дождей, август — земля твердая. Думаю: пшеницу еще не убрали, вот я полосу как раз уберу. Пожара не случилось, но масло, очевидно, попало в компрессор — датчик показал температуру. Я не принимал в расчет смертельной опасности, поэтому действия были спокойными и верными. Это отметил полковник Анатолий Евгеньевич Карпов, анализируя мою ситуацию. Он пригласил меня на беседу и спросил:

— Хотите стать летчиком-испытателем?

— Хочу, — отвечаю.

— Вот мы вам и предлагаем.

Когда нас пригласил к себе маршал Вершинин, главнокомандующий, нас было 12 человек — первая группа, официально пока не объявленная. И он сказал: «Как мне жаль вас отдавать! Что же, наверное, вам надо идти другой дорогой. Но того, что вы вышли из ВВС, не забывайте. Выйдите сейчас в коридор, подумайте, а после скажете о своем решении». Мы вышли, постояли... Никто не передумал идти в космонавты, конечно. Заходим, и вдруг Юра, без всяких просьб и полномочий от нас, говорит: «Товарищ главнокомандующий, уважаемый Константин Андреевич, нам жаль с вами расставаться. Спасибо вам большое за то, что вы научили нас летать! У нас крылья могучие».

О женитьбе

Я приехал 4 ноября 1959 года, пошел туда, где Света тогда работала, и сказал: «Свет, такое дело: сейчас или никогда».

Она молчит. Я говорю: «Ладно, послезавтра пойдем в ЗАГС, а завтра я иду в горком партии договориться, чтобы разрешили». Срок ближайшей командировки был четыре месяца, я и рассчитал: 14-го свадьба, 15-го улетаю. «Ладно, хорошо», — ответила.

14-го свадьба, весь полк гулял, а 15-го утром я улетел в Берлин. И встретились мы три месяца спустя, даже чуть больше. А однажды она прилетела ко мне, а я уже улетел в Москву. Так и гонялись друг за другом...

О мечте

Мечтать можно о чем угодно, но мечта должна быть подкреплена какими-то реальными основаниями. В области космонавтики все зависит от людей, от руководства. Я мечтаю, чтобы мы вновь полетели на Луну. Совершенно ясно, что нужно делать на Луне и как это делать. Это лишь вопрос времени. Я сейчас не говорю о Марсе: туда человеческая тропа тоже будет налажена, но гораздо позже.

В наши дни я вижу какую-то нерешительность в плане космоса, чего у Королева не было. Я могу поклясться, что если бы сейчас жил Сергей Павлович, мы бы точно уже вернулись на Луну.

Когда в свое время встал вопрос — твердый грунт на Луне или мягкий, Королев сказал: пишите — твердый. А никто ничего не мог знать наверняка, ведь никто там не был. Что там за пыль, какой слой этой пыли — полметра, метр? Неизвестно.

” КОГДА В СВОЕ ВРЕМЯ ВСТАЛ ВОПРОС — ТВЕРДЫЙ ГРУНТ НА ЛУНЕ ИЛИ МЯГКИЙ, КОРОЛЕВ СКАЗАЛ: ПИШИТЕ — ТВЕРДЫЙ. А НИКТО НИЧЕГО НЕ МОГ ЗНАТЬ НАВЕРНЯКА, ВЕДЬ НИКТО ТАМ НЕ БЫЛ. ЧТО ТАМ ЗА ПЫЛЬ, КАКОЙ СЛОЙ ЭТОЙ ПЫЛИ — ПОЛМЕТРА, МЕТР? НЕИЗВЕСТНО. ПОНИМАЕТЕ, НУЖЕН БЫЛ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ПРОСТО СКАЗАЛ БЫ «ТВЕРДЫЙ». И НАЧАЛИ ВСЕ РАСЧЕТЫ ДЕЛАТЬ НА ТВЕРДЫЙ ГРУНТ. ТАК И ПОЛУЧИЛОСЬ... ”

Понимаете, нужен был человек, который просто сказал бы «твердый». И начали все расчеты делать на твердый грунт. Так и получилось...

Про полет Терешковой

Отправлять женщину было рискованным шагом. Надо было предварительно провести всевозможные исследования. Но подготовку женская группа прошла полностью, в тех же условиях, что и мужские экипажи. Сейчас ретроспективно смотрю на это, и даже трудно помыслить, насколько им было тяжело. Никакого послабления, никакой жалости не было, только одно — выжать максимум из человека и обезопасить себя. С другой стороны, жизнь все оправдала...

Что касается Валентины, вся ее молодость была нелегкой. Отец пропал без вести во время финской войны, а это считалось равным статусу военнопленного. То есть семья пропавшего не то что не получала помощи — пособий или льгот, а еще и оказывалась под жестким моральным давлением. Всего 23 года было матери, трое детей, мал мала меньше, жить невозможно. Поэтому Валентина и ее сестра с детства начали работать. Она пошла учиться, а после седьмого класса поступила

работать на перекопскую фабрику и одновременно — в вечерку. Только тот, кто учился и работал, может понять, как это трудно. Тем более — девочка молодая, красивая, погулять хочется. Однако у нее была цель — помочь семье, поднять младшего брата. При этом она находила время еще и заниматься в аэроклубе!

Сильнейшая воля к жизни и к победе. Она приложила все силы, чтобы стать человеком. Занималась большой общественной работой, спортом, была комсомолкой. Так и создает себя незаурядный человек.

В полете Терешкова вела себя мужественно до самой земли, все было сделано по программе. Опасались за репродуктивную функцию — никто не знал, как космос на это влияет.

И когда у нее родилась дочка, каких только не было разговоров... А девочка здоровая.

Колоссальное ликование было после ее полета, десятки кинокамер, фотоаппаратов, вся пресса. Необыкновенный подъем произошел у женщин: мы доказали, что мы тоже можем это делать!

Правильно, можете, но надо серьезнейшим образом готовиться.

Алексей Леонов с семьей: жена Светлана, дочери Виктория и Оксана

Автограф Королёва

Однажды я присутствовал, когда люди подходили к Сергею Павловичу за автографами. Я сказал: «Сергей Павлович, я ни у кого не просил и не буду просить автограф, а у вас прошу». У меня была с собой фотография, и он написал: «Дорогой Алеша, пусть Млечный путь не будет тебе пределом, а солнечный ветер будет всегда попутным». Солнечный ветер был у него постоянно в мыслях. И уже много позднее мы узнали о разработках этих конструкций, которые используют солнечный ветер. Он думал применить их для полета на Марс.

О перспективах

Надо определиться: мы будем играть в футбол или заниматься серьезными научными исследованиями. Ведь это же не просто прогулки в космос, мы дожили до того, что космонавтика — эффективная часть экономики. У американцев все четко просчитано: доллар, вложенный в программу, возвращается тремя долларами прибыли. И отечественная космонавтика вышла на реальную практическую пользу: взять только геодезию и картографию. Ведь сколько надо было вложить средств для того, чтобы провести картографию нашей страны! Раньше это делалось в лучшем случае на самолете. В космосе мы делаем один виток, снимая то, что с самолета надо год снимать. И существует много проектов, которые практически разработаны, надо только поддерживать... Есть большое непонимание со стороны руководства того, что делается в космической науке.

После того как мы вернулись из полета, Сергей Павлович в личной беседе сказал: «Вы взлетели, а я остался на этой площадке. И у меня одна мысль: куда я послал этих мальчишек?! Мы же ничего не знаем».

Во время последнего инструктажа на стартовом столе говорил: «Алеша, не торопись, я тебя прошу. Все, что будешь делать, обо всем докладывай. Ты должен работать, как минер».

О своем полете

Эта история началась в 1962 году, когда Сергей Павлович пригласил нас, первый отряд космонавтов, в конструкторское бюро — посмотреть новые машины. И мы приехали. Вошли в знаменитый 44-й цех, увидели ряды кораблей «Восток» и странные корабли другой конструкции: с прозрачной трубой — шлюзовой камерой. Мы окружили эти корабли, и СП (так мы называли Сергея Павловича) сказал гениальные слова, которые определили цели и задачи работы в открытом космосе: «Это просто: моряк морского лайнера должен уметь плавать в воде. Точно так же и космонавт, находящийся на борту космического корабля, должен уметь плавать в открытом космосе. Однако не только плавать, но и выполнять монтажные работы. Для этого создан этот корабль. Посмотрите на него внимательно».

Потом, оглядев нас всех, он обратился ко мне: «А ты, орелик, надень скафандр и вместе с Анохиным пройди по трассе, проверь концепцию, а через два часа доложите свои соображения на собрании технического руководства».

Забилось сердце, я подумал: случайно ли? Конечно, это было не случайно, накануне СП сказал

” ПОСЛЕ ТОГО КАК МЫ ВЕРНУЛИСЬ ИЗ ПОЛЕТА, СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ В ЛИЧНОЙ БЕСЕДЕ СКАЗАЛ: «ВЫ ВЗЛЕТЕЛИ, А Я ОСТАЛСЯ НА ЭТОЙ ПЛОЩАДКЕ. И У МЕНЯ ОДНА МЫСЛЬ: КУДА Я ПОСЛАЛ ЭТИХ МАЛЬЧИШЕК?! МЫ ЖЕ НИЧЕГО НЕ ЗНАЕМ». ВО ВРЕМЯ ПОСЛЕДНЕГО ИНСТРУКТАЖА НА СТАРТОВОМ СТОЛЕ ГОВОРИЛ: «АЛЕША, НЕ ТОРОПИСЬ, Я ТЕБЯ ПРОШУ. ВСЕ, ЧТО БУДЕШЬ ДЕЛАТЬ, ОБО ВСЕМ ДОКЛАДЫВАЙ. ТЫ ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ, КАК МИНЕР». ”

обо мне: «Хороший летчик, смелый...» Экипаж подбирали, наверное, еще с мыслью о равновесии: один торопливый — Беляев, а другой медлительный. Дублеры — Хрунов и Горбатко.

Дальше все зависело от нас. Впереди было два года. Два-три раза в неделю мы приезжали на завод изучать корабль. Тренажера не было. Гидролаборатории не было. Отрабатывали аварийные схемы. Сдавали экзамены. Работали в барокамере. Штатная работа в глубоком вакууме. Я выполнял свои действия по шлюзованию и вел репортаж о том, что вижу. Я выдумывал. Тренировка была очень опасная, зато после нее я поверил в надежность скафандра, поверил, что он меня не подведет, что это моя защита.

Выполнив все, что нужно, сдав все экзамены, в марте мы вылетели на полигон. Началась предполетная и физическая подготовка. Требовались громадные усилия, чтобы управлять скафандром. За два дня до старта случилась авария на космодроме. Беспилотный корабль, который был послан перед нами и на котором мы должны были получить пробные данные о предстоящем полете, взорвался на орбите. Все было отработано, но при спуске сформировалась команда на подрыв... В результате мы не имели ничего, никаких данных. После этого плачевного события Сергей Королёв и Всеволод Келдыш приехали к нам в гостиницу. Состоялся жесткий, прямой разговор: «Перед нами два варианта: переделать ваш корабль в беспилотный и провести испытания, а потом строить новый корабль, который будет готов через девять месяцев, или идти работать прямо сейчас». Мы, конечно, сказали: «Работать прямо сейчас. Мы на пике готовности, мы отработали 3000 нештатных ситуаций». Сергей Павлович спросил: «А на корабле будет 3001-я?»

Мы понимали, что гарантий никаких, но шли на эту работу уверенно. Спасти никак нельзя до 22-й секунды, только после 22-й секунды можно

приземлиться. Это был один корабль без системы спасения: и «Восток», и «Союз» имели ее. Я уверен — если бы мы приняли решение на доделку, ничего страшного бы не произошло. Никто не говорил о важности политического преимущества, этого не было в беседе. Но мы знали, что лучше отработать сейчас.

18 марта нас подняли в 5 часов утра. Перед этим смотрели, как мы спали: каждая постель была оборудована датчиком. Выходим из гостиницы, а вокруг степь белая-белая. Снег выпал.

Первый, кто нам идет навстречу, — женщины. А Сергей Павлович не разрешал женщинам быть на старте... Я Паше говорю: «Все будет нормально, но нахлебаемся мы с тобой в этом полете достаточно».

Старт как в мягком поезде... Отработана первая, вторая, третья ступень. Перегрузки мы не ощущали. Я даже вел репортаж о самочувствии. Внезапно произошло отделение, и мы с Пашей оказались вверх ногами — такое было впечатление. Шлюз... Построение шлюза. Все параметры рабочие. И я уже перед Камчаткой. Перешел в шлюзовую камеру, отстегнулся от борта, и люк за мной был закрыт. Мы ждали расчетное время, когда по программе начнет открываться люк, мы уже были около Австралии. И я увидел, как Земля разворачивается, увидел Антарктиду. Над Африкой люк полностью открылся. Прозвучала команда: «Начать выход». Сам выход занял две-три секунды, я поднял голову и увидел Балтийское море.

Я начал вести репортаж: «Кавказ, Кавказ, подо мною река Волга». Настала необыкновенная тишина, я слышал биение своего сердца и дыхание. На Земле такого не было.

Паша сделал заявление: «Человек вышел в открытое космическое пространство и находится в свободном плавании». Я не сразу понял, что это он обо мне.

Сделал несколько отходов и подходов, закрутило меня сильно... Понял, что надо очень осторожно двигаться. Пытался все время вести съемку. Была камера, но я не мог дотянуться до манипулятора, хотя на тренировках все получалось. Скафандр деформировался. У меня не хватало сил согнуть его, перчатки заламывались, пальцы вышли из них, а ноги из сапог. Такое резкое падение давления могло вызвать у меня усиленное выделение азота, буквально закипание крови. Пришло время возвращаться, но по инструкции — вперед ногами — у меня не получалось. И я пошел головой. С усилием протиснулся внутрь шлюзовой камеры. Но все равно надо разворачиваться и идти ногами вперед: в корабль головой не войдешь. Поэтому, здраво рассудив, я остался в этой позиции... Люк закрылся, и я начал разворачиваться ногами вперед. Именно это оказалось самым тяжелым. Температура поднялась на два градуса — 37,8. Если бы дошло до 38 — летальный исход. Пот выступал такой, что я ничего не видел. Шесть килограммов веса я потерял за эту операцию. И вот попал в корабль, закрыли люк. Паша похлопал меня по плечу и говорит: «Молодец, Алеха». Для меня это была очень большая похвала. Мы продолжили работать.

И тут произошла самая страшная авария — за-кислороживание. Парциальное давление кислорода поднялось до 460 мм, а мы помнили, что Валя Бондаренко сгорел при 320...

Оказывается, после того как был закрыт люк, не была загерметизирована система, и в микронные щели из-за разности металлов пробился воздух. А система регенерации вырабатывала кислород, который мы не могли поглотить, и он у нас стал расти. И дорос уже до 420. Мы все убрали на минимумы: и кислород, и температуру, и влажность. И вдруг наступило кислородное опьянение: мы заснули, несмотря на эту опасность. Во сне я случайно включил тумблер поддавливания. Из внешнего баллона начал подаваться воздух, давление в корабле повысилось до 1025, сработал клапан «Полет» со взрывом, и я пришел в себя... Давление гигантское. Но начало падать парциальное давление кислорода. И мы ждали — пройдем или нет гремучий газ? Прошли.

Картина А. А. Леонова «Выход в открытый космос»

” ПАША СДЕЛАЛ ЗАЯВЛЕНИЕ: «ЧЕЛОВЕК ВЫШЕЛ В ОТКРЫТОЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И НАХОДИТСЯ В СВОБОДНОМ ПЛАВАНИИ». Я НЕ СРАЗУ ПОНЯЛ, ЧТО ЭТО ОН ОБО МНЕ.

”

Всего за полет случилось семь аварий. Произошла авария и когда нас уже ждали на Земле. Сигналы пошли, что мы проходим через Симферополь. Паша выходит на связь: «Заря-1, я Алмаз. Мы находимся над вами». Паша дал полную характеристику того, что происходило, и почему мы не на Земле. Сделал запрос: «Разрешите выполнить ручной спуск». Ответили: «Разрешаем». И на этом связь оборвалась, то есть от нас ответа они не получили. И они задействовали радиостанцию — она нашла нас в Антарктиде. Включился приемник, мы услышали голос Юрия Гагарина: «Разрешаем выполнять ручную ориентацию, подтвердите». Мы подтвердили: «Вас поняли. Мы уже подготовили все системы».

Валентина Терешкова, Алексей Леонов и заместитель руководителя Роскосмоса Александр Иванов на космодроме Восточный

Я потом на Земле взял карту, и на этой карте сделал свое лекало, точки нанес: здесь будет включение двигателя, а вот здесь — точка посадки. Потом ее сфотографировал и вставил в бортжурнал.

Интуиция сработала. Ведь таких точек несколько было. Когда мы шли точно через Москву, я пошутил: «Давай сядем на Красную площадь». Но если серьезно — дома, ЛЭП, предприятия нас пугали, и мы ушли практически в самую северную часть — в тайгу.

Когда пришло время включить двигатель, основной вопрос был, правильно ли сориентирован корабль, на разгон или на торможение? Включаем двигатель. Он зарокотал, и мы начали занимать место. При этом возникали серьезные колебания, которые могли сорвать корабль при соответствующем крутящем моменте. И тогда случилась бы катастрофа. Через 10 секунд должно произойти отделение орбитального отсека — а его нет. Неправильно все-таки сделали: включили двигатель не на торможение, а на разгон. В этом случае орбитальный отсек не отстреливается.

Я смотрю на Землю и думаю: «Господи, где-то там бегают моя дочь маленькая, никто не знает,

что у нас происходит». Такая мысль посетила, смалодушничал... А потом смотрю — пылинки оседают. Значит, идем на перегрузку — к земле идем! Перегрузка начала давить — 10 g. Все здорово, все хорошо, Паша!

И вот сработала вытяжная система, дернуло, сработала тормозная система. Раскрылся основной купол. Такая настала тишина, что слышно, как ветер в стропях свистит.

Оказывается, мы сели в лес: деревья 30–40 метров. Взрыв. И корабль медленно проседает, медленно-медленно...

Посмотрели друг на друга, начали открывать люк. Паша включил замки — все сработало, а люк не открылся. Весил он килограммов 150–180. Выяснилось, что одну треть люка загородила береза. Открыли с трудом, и Паша первым спустился на землю. Смотрю и смеюсь: у него одна голова торчит. Снег полтора метра — и из него одна голова. Тихо, воздух морозный.

Развернули радиостанцию. Ни ответа ни привета. Где мы? Смотрим навигатор. Я говорю: «Между Обью и Енисеем. Я знаю эти места, где-то, наверное, месяца через три за нами приедут на собаках. Так что все нормально». И вот мы вышли, сняли скафандры, жесткую часть спорили, сбросили под ноги. И осталась на нас только лишь экранно-вакуумная изоляция — девять слоев алюминизированной фольги. Но мы получили подвижность. Кругом тайга, то есть ничего нет. Есть, правда, пол-литра спирта. Я говорю: «Давай хлебнем». Снег растопили, развели спирт. Попробовали. Обожгло страшно! Потому что больше суток мы дышали практически чистым кислородом, и вдруг на эти ткани — спирт. Закрыли флягу.

Уже к ночи пришел один вертолет и стал летать над нами, потом еще и еще. Начали нам сбрасывать одежду, провиант, бутылку коньяка сбросили — она разбилась. Термос тоже разбился. Почему-то они делали это на скорости, хотя можно было зависнуть и аккуратно сбросить. Куртки бросили, унты, брюки. Их мы нашли, а брюки так и остались висеть на деревьях. Устроились ночевать. На вторые сутки к нам отправилась группа спасения. Недалеко, в девяти километрах от нас, вырубил площадку, посадили туда вертолет, и на третий день мы уже на лыжах эти девять километров прошли. На вертолете вылетели в Пермь, а в Перми ждал самолет Ан-12. Там уже недалеко до космодрома. Мы выходим. Навстречу все идут в рубашках: Сергей Павлович, Юра Гагарин. А мы выходим к ним в унтах, в полярных шапках. У Пашиной шапки одно ухо стоит, другое — болтается. Они остановились и начали хохотать.

Мы остановились в растерянности. И вдруг все к нам побежали, начали обнимать, подбрасывать...

Вот так и закончилась эта космическая эпопея.

” НАДЕЯТЬСЯ ВСЕГДА НУЖНО
НА ЛУЧШЕЕ. НЕТ ВЕРЫ?
ВЫДУМАЙТЕ ЕЁ. НЕТ ГЕРОЕВ?
СОЗДАЙТЕ.

Алексей Архипович Леонов